

Л. В. Соколова

ЗАЧИН В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Темой зачина в «Слове о полку Игореве» являются рассуждения автора о том, «как повести речь, какого принципа изложения придерживаться».¹ Такой зачин обычен в произведениях словесного искусства византийской школы,² в том числе, как показали исследователи, и в произведениях, созданных на Руси.³ Какова же основная мысль этого зачина? Принято считать, что автор «Слова» полемизирует с Бояном, противопоставляет его песням свое произведение, но на каком основании, в чем заключается противопоставление — этот вопрос пока не решен, хотя уже имеет свою историю, подробно изложенную В. Г. Смолицким.⁴

Противопоставление «Слова о полку Игореве» песням Бояна выражено фразой: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню».⁵ Правильное истолкование ее зависит от того, как будут поняты слова «замышление» и «по былинам сего времени».

Слово «замышление» в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» толкуется как «замысел», «намерение», но, исходя из контекста, исследователи обычно понимают его как противопоставление «былинам сего времени» (правде, действительности) — т. е. как 1) вымысел, фантазию Бояна или 2) его возвышенную, пышную, выперенную манеру.⁶ Такое понимание слова «замыш-

¹ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950, с. 100.

² Миллер В. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, с. 62.

³ Назаревский А. А. О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Наукові записки, т. 14, вип. 1. Київ, 1955, с. 113—144. (Збірник Філологічного факультету, № 7); Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 20—21 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

⁴ Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 5—19.

⁵ Здесь и далее текст цитируется по кн.: Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

⁶ Историю данного вопроса см. в статье В. Г. Смолицкого.

ление» обычно подкрепляют далее следующей фразой: «Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию (по нашему мнению — мыслю. См. далее. — Л. С.) по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ». Однако данная фраза не дает основания как для первого, так и для второго толкования. Формула тройственного превращения выражает, как показал Д. М. Шарыпкин,⁷ языческое представление о поэтическом творчестве как о волхвовании, сверхъестественном знании, и о певце как о человеке, обладающем сверхъестественной силой, волшебнике, колдуне, способном превращаться («обращаться») в различных животных.

В «Слове» говорится о «превращении» Бояна в волка, орла и, вероятно, мышь (белку). Именно эти животные названы не случайно. Согласно индоевропейскому мифу о мироздании, небо, земля и соединяющее их древо жизни — это три яруса мироздания. Эмблема высшей сферы — орел, низшей — волк, эмблема мирового древа жизни — белка (мышь).⁸

Таким образом, превращаясь в мифические существа — белку, волка, орла (символы трех ярусов мироздания), вещей (т. е. обладающий сверхъестественной силой) Боян как бы становится всеобъемлющим, что и является причиной его необычайной мудрости, всеведения, его дара предвидения, предсказания.

Какова смысловая роль данной фразы в «Слове»? С какой целью приводится автором «Слова» это языческое представление о певце? Вероятно, данная фраза призвана образно охарактеризовать Бояна как певца языческого, песни которого по ряду причин (речь о них далее) не могут удовлетворить автора «Слова».

⁷ Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 14—22.

⁸ Говоря об эмблемах трех ярусов мироздания, Д. М. Шарыпкин написал: «Эмблема высшей сферы — орел, низшей — волк. Мировое древо (как и ветер) — эмблема промежуточного яруса между небом и землей. Оно есть символ жизни, безопасности и благополучия, изобилия и счастья». Однако буквально в предыдущем предложении сообщил, что три яруса мироздания, согласно индоевропейскому мифу, — это древо, земля и небо. Таким образом, мировое древо — средний ярус мироздания, а не его эмблема. Далее, на с. 18, Д. М. Шарыпкин приводит выдержку из одной мифологической песни «Старшей Эдды», где сказано: «Рататоск белка резво снует по ясеню Иггдрасиль (в скандинавской мифологии — древо жизни. — Л. С.), все речи орла спешит отвести она Нидхеггу (т. е. дракону, заменившему в скандинавской мифологии волка. — Л. С.) вниз». Думается, что раз мировое древо, согласно мифу, было одним из ярусов мироздания, а белка, спущая по мировому древу, упоминается в одном смысловом ряду с орлом и драконом (волком), то, видимо, белка и была эмблемой промежуточного, среднего яруса мироздания. Подтверждается это и тем, что в этом случае эмблемами трех ярусов являются животные, причем дракон (волк) и орел переговариваются при посредстве белки — эмблемы древа жизни, соединяющего верхний и нижний ярусы мироздания. Близок к такому пониманию и сам Д. М. Шарыпкин. На с. 20 он пишет: «Что же касается белки, то она воспринималась, очевидно, как один из аксессуаров (разрядка моя. — Л. С.) мирового древа, — так же, как и его ветви или корни».

Интересно, что, приведя языческое представление о певце как сверхъестественном существе, оборотне, автор «Слова» далее опровергает его. Свою точку зрения на певца он выражает фразой, которая явно переключается с рассмотренной: «О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрьсь поля на горы...».

Нетрудно заметить, что суть творческого процесса автор «Слова» понимает иначе. Сила Бояна (как и всех остальных певцов) не в сверхъестественной сущности, — считает автор «Слова», — а в их таланте, умении петь красиво и свободно (сравнение с соловьем, скачущим по поэтическому, «мыслену» древу. Соловей заменяет здесь мысль (белку) первой фразы, поскольку древо, здесь упомянутое, — это уже не древо жизни, а древо поэзии⁹); в их мудрости, уме, широте мысли (ср. фразу: «летая (подобно орлу. — Л. С.) умомъ подь облакы»); в их знании истории своего народа (об этом говорит фраза «свивая славы оба полы сего времени, рища (мыслию. — Л. С.) въ тропу Трояню чрьсь поля на горы»). Итак, вторая фраза опровергает первую: не перевоплотившись в мысль (белку), скачет певец по мировому древу, а мысль поэта-соловья скачет по «мыслену», поэтическому древу в поисках нужных слов, выражений, образов; не орлом летает певец в поднебесье, а умом летает «под облакы», подобно орлу; не волком рыщет певец по земным тропам, а мысль его устремляется (рыщет!) в историческое прошлое русского народа для того, чтобы, оглядываясь на прошлое, лучше понять настоящее.

Итак, фраза «Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мысию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы» не дает основания понимать под «замышлением» Бояна его буйную фантазию, вымысел или его «выспреннюю» манеру.

Что же в таком случае следует понимать под «замышлениями» Бояна?

Решить этот вопрос помогает, на мой взгляд, то место в «Слове о полку Игореве», где автор рассуждает о том, как бы Боян спел песнь Игорю Святославичу. Из этих предположений ясно, что Боян как певец-язычник спел бы нечто однозначное: либо хвалу, либо хулу, в зависимости от своего замысла, «замышления».

Судя по материалу, приведенному Д. М. Шарыпкиным,¹⁰ языческие певцы пели три песни:¹¹ славу, карание и, добавим, плач

⁹ Об образе «древо поэтическое, древо поэзии, древо песен» в поэзии скальдов см.: Ржигза В. Ф. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 109—112.

¹⁰ Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов, с. 17—18.

¹¹ Там же, с. 18.

(«желение»)¹² Причем они не просто пели, а совершали обряд словесной магии, имевший вполне определенный практический смысл и значение: пропеть славу значило наделить славой, пропеть карание (покарать!) — означало принести не только моральный ущерб, но и телесное повреждение. Пение славы (хвалы) или карания (хулы)¹³ было обрядовым ритуалом, который сопровождался специфическими приемами поведения; певец исполнял свое произведение под аккомпанемент музыкального инструмента «то как песню, то как сказ, то как речитатив, начиная ее почти шепотом, как произносятся заговоры, заклинания, молитвы, и постепенно входя в экстаз».¹⁴

То, что Боян, как и языческие певцы, пел нечто вполне определенное по смыслу — либо только хвалу, либо только хулу, можно заключить из тех двух образцов «бояновых» песен Игорю, которые приводит автор «Слова». Одна из них — хула, другая — слава.

Если бы Боян пел песнь Игорю, то он (думает автор «Слова») спел бы внуку бесславного Олега Гориславича («того Олга внуку») хулу: «Не буря соколы занесе чрьсь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому».¹⁵ Данную фразу принято рассматривать как один из примеров славы Игорю.¹⁶ Однако вряд ли это правомерно как с синтаксической, так и смысловой точек зрения. Если считать, что это — хула, что полки Игоря сравниваются не с соколами, а со стадами галок, то синтаксическое построение фразы представляется простым и ясным: здесь использован излюбленный автором «Слова» прием — прием отрицательного параллелизма. Не соколы (победители) занесены бу-

¹² О том, что третьей песней языческих певцов был плач («желение»), говорят многие данные. В «Слове некоего Христолюбца» обличается пение на пирах «караний» и «желенѣи», т. е. хулы и плача (см.: Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 334). Дошедший до наших дней обычай приглашать на похороны плакальщиц также говорит о том, что плач был жанром личного, а не коллективного творчества. Жанр плачей в древнерусской литературе — это, видимо, продолжение устной традиции.

¹³ Поскольку слава — это хвалебная по содержанию песня, хвала, а карание — хулительная песня, хула, «каianie», считаю возможным в данной статье употребить слова «слава» и «хвала», а также «каianie» и «хула» как синонимы.

¹⁴ Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов, с. 18.

¹⁵ Предложение, выражающее эту мысль и представляющее собой синтаксической точки зрения период, в изданиях «Слова о полку Игореве» почему-то разбивается по разным предложениям или даже абзацам. Приведем его в том виде, какой считаем верным: «О Бояне, соловию старого времени! Абы (т. е. если бы. — Л. С.) ты сия плѣкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рица въ тропу Трояню чрьсь поля на горы, — пѣти было пѣсьнъ Игореву, того (Олга) внуку: „Не буря соколы занесе чрьсь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому“».

¹⁶ Как хулу эту фразу рассматривали Е. В. Аничков (Язычество и Древняя Русь, с. 333) и О. Сулейменов (Аз и я. Алма-Ата, 1975, с. 104—110).

рей (военной опасностью) через поля широкие, а стада галок (никем не гонимые) бегут к Дону Великому на свою гибель. Если же считать, что Игоревы полки сравниваются здесь с соколами, от которых половцы, как стада галок, бегут к Дону, то построение данной фразы получается трудно объяснимым. Синтаксическое построение фразы требует противопоставления, а смысл фразы его исключает. Не случайно данная фраза «исправляется» некоторыми переводчиками (вставляется якобы выпавшее «не» перед словом «галици») и переводится как двойное отрицание: не соколы занесены бурей, не галки бегут к Дону. Так переводят эту фразу В. Миллер, В. В. Капнист, А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт, Г. Шторм, Н. А. Заболоцкий, Александр Степанов.

При рассмотрении данной фразы следует учитывать также, какой дополнительный смысл вкладывали древнерусские певцы и книжники в сравнение воинов с соколами и галками. В Ипатьевской летописи под 1097 г. читаем: «Боянкъ же разделися на 3 полки и сбиша угры в мяч, яко соколъ галицѣ збивает, и побегоша угре». Если учитывать смысл этого сравнения, то придется признать, что образ галок, сбитых «в мяч» (в кучу) соколами, скорее применим к полкам Игоря, которые действительно были окружены и разбиты.

Доказательством того, что рассматриваемая фраза — не хвала, а хула, служит и следующий за ней текст: «Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче?» Обычно этот риторический вопрос рассматривают как вводящий в текст другой стилистический вариант славы Игорю. Но в таком случае здесь недостает указательной частицы (или так ты воспел бы...). Представляется, что логическое ударение в данной фразе следует делать на слове «въспѣти». Приведя пример хулы, автор «Слова» рассуждает далее: Или ты, вещей (всемогущий) Боян, внук самого Велеса, смог бы даже воспеть Игоря, несмотря на его поражение. В таком случае объяснимо и вполне логично упоминание здесь Велеса и название Бояна вещим. Не случаен и сам факт, что автор «Слова» приводит не один пример Бояновой песни Игорю, а два. Разница двух этих песен не стилистическая (это не два варианта славы Игорю), а более глубокая — смысловая, жанровая: одна песня — карание, другая — слава.

Уместно, думается, вспомнить здесь и о том, что в тексте «Слова» кроме этого случая сопоставления — противопоставления хулы и хвалы есть еще два. 1) «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря...»; 2) «Уже снесся хула на хвалу...».

Текст второй «Бояновой» песни Игорю — славы значительно шире, на мой взгляд, чем обычно считается. Он оканчивается не словами «стоять стязи въ Путивлѣ», а словами «ишучи себе чти, а князю славѣ». Весь этот текст — от слов «комони ржутъ за Сулою» и до слов «ишучи себе чти, а князю славѣ» един по смыслу. Похвальное слово воинам-курянам, вложенное в уста

Всеволода, — это и есть пример той славы, какую мог спеть Боян, говоря о походе Игоря. Уже давно замечено, что этот фрагмент выделяется в окружающем его тексте и по бравурности, и по ритму. Ритм его — «бодрый и энергичный», ритм «мчащихся воинов».¹⁷ И бравурность, и бодрый, энергичный ритм уместны в Бояновой славе, но совершенно не уместны в печальном рассказе («со слезами смешанном») о походе Игоря, опирающемся на «былины сего времени». Интересно в связи с этим, что Д. С. Лихачев, распределяя текст «Слова» между двумя певцами: певцом-архаистом, «верным пафосной манере Бояна», и певцом-рассказчиком, считает, что похвала воинам-курянам принадлежит «стороннику превыспренней Бояновой манеры», что «слова эти больше соответствуют манере певца-архаиста, сторонника Бояна».¹⁸

Вероятно, похвала курянам — «къметям» (отборным воинам, дружинникам, составлявшим авангард войск Всеволода), созданная автором «Слова» в стиле песен-слав Бояна, была построена на «общих местах» или устойчивых формулах дружинной (рыцарской) поэзии, представителем которой был в XI в. знаменитый Боян. Подтверждением этому может служить публикуемый в данном сборнике А. Д. Михайловым стихотворный старофранцузский текст, который «описывает, бесспорно несколько иронически, образцового молодого воина (оруженосца, благородного юношу), собирающегося стать рыцарем».¹⁹ Приведу в переводе А. Д. Михайлова начало этого текста, сходное с похвалой воинам-курянам: «Кто юноша-рыцарь? Тот, кто под мечом был рожден, и среди шоломов молоком вспоен, и в собственном пите взлелеян, и мясом льва вскормлен, и средь страшного грома убаюкан...».²⁰ Думается, что и автор «Слова» при всем уважении к Бояну в похвале курянам-«къметям» слегка иронизирует над его пафосной манерой, над бравурной дружинной поэзией с ее «общими местами».

Кроме того, если считать лирическим отступлением автора (рассуждающего о том, как бы Боян спел песнь Игорю) текст от слов «О Бояне, соловию старого времени» до слов «ищучи себе чти, а князю славѣ», то устраняется противоречие между «Словом» и летописью относительно времени солнечного затмения, а в тексте «Слова» исчезает «явная астрономическая несообразность, состоящая в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды».²¹ Тем самым устраняется

¹⁷ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 29.

¹⁸ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» — см. с. 13—14 наст. изд.

¹⁹ Михайлов А. Д. Об одной старофранцузской параллели «Слова о полку Игореве» — см. с. 88 наст. изд.

²⁰ Там же, с. 88—89.

²¹ Гудзий Н. К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 37.

главный аргумент в пользу перестановки в начале «Слова» и отпадает всякая необходимость в ней. Получается ясный и последовательный рассказ автора «Слова» о походе Игоря. Начинается он, по авторскому замыслу, не со сборов в поход (рассказ об этом и о встрече Игоря со Всеволодом у Оскола автор вкладывает в уста Бояна!), а с солнечного затмения. После лирического отступления о Бояне автор «Слова» продолжает свой рассказ о солнечном затмении. Причем это продолжение сигнализируется фразой («Тогда вѣступи Игорь...»), схожей своим началом с первой фразой авторского рассказа об Игоре («Тогда Игорь вѣзрь»). Обратившись с речью к своим воинам, призвав их невзирая на солнечное затмение (которое могло знаменовать как поражение, так и победу²²) продолжать поход, Игорь «вѣступи... въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше...». Таким образом, рассказ о солнечном затмении — это связанное начало авторского рассказа о походе Игоря, в которое вклинивается лирическое отступление о Бояне, его творческой манере.

Итак, Боян, следуя традиции языческих певцов и, видимо, сам будучи языческим певцом, несмотря на то что жил в XI в.,²³ спел бы Игорю нечто однозначное: славу (хвалу) или карание (хулу), в зависимости от своего «замышления» — замысла, намерения. Какое же произведение противопоставляет Бояновым песням автор «Слова»? Он намерен слагать песню «не по замышлению», т. е. заранее задавшись определенной целью (спеть либо хвалу, либо хулу), а «по былинам сего времени».

Слово «былины» понимается исследователями как исторические факты, события; правда. Но былины — это скорее рассказы о походе Игоря. Подтверждение этому находим в таких родственных словах, как «быль», «былица» (ср. «небылица»), «быличка», «бывальщина», «бывалка», означающих рассказ о действительном происшествии,²⁴ а точнее, рассказ либо о событиях, действительно имевших место, либо о событиях, в действительность которых верит автор.²⁵ Именно в таком значении — рассказы о действительно происходивших событиях — употребляется в народном языке и слово «былины» по отношению к рус-

²² Яценко В. И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1976, т. 31, с. 117.

Вероятно, язычники считали солнечное затмение только плохим предзнаменованием, а христиане — просто предзнаменованием, смысл которого ясен одному богу. В таком случае воины Игоря толкуют солнечное затмение как язычники, а Игорь, хотя и колеблется, поступает как христианин.

²³ В исследованиях последних лет по язычеству Древней Руси показано, что языческие представления, обычаи, образы жили еще много веков после принятия в Киеве христианства.

²⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. М.; Л., 1981, т. 1, с. 129 (слова «быль», «бывальщина»). См. также: Словарь русских народных говоров. Л., 1968, вып. 3, ст. «былица», «быличка» и др.

²⁵ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 4—7, 13 и др.

ским народным эпическим песням о богатырях, как термин введенное в науку И. П. Сахаровым.²⁶

Итак, автор «Слова о полку Игореве» намерен следовать «былинам сего времени», т. е. он решает объективно подойти к походу Игоря, сложить песнь о нем, основываясь на правдивых рассказах участников похода (возможно, здесь имеется в виду конкретный рассказ о походе Игоря), а не задавшись заранее определенной целью — спеть хвалу или хулу Игорю.

Но не только в этом (т. е. в творческом методе) отличие автора «Слова» от Бояна. Различны и цели, задачи, которые ставили перед собой Боян и автор «Слова о полку Игореве», слагая свои песни. В отличие от Бояна автор «Слова» обращается к походу Игоря не для того, чтобы прославить или укорить его участников; он не хвалит и не хулит Игоря (не случайно исследователи затрудняются однозначно ответить на вопрос: хорош или плох Игорь в представлении автора «Слова»), а пытается объективно взглянуть на описываемые события и сделать своевременные выводы. Если Боян пел песню князю (для того, чтобы прославить или укорить его), то автор «Слова» поет песню не князю, не о князе; он слагает «слово» о походе Игоря, а не о нем самом.

Таким образом, отличие «Слова о полку Игореве» от песен Бояна прежде всего в творческом методе и в той задаче, цели, которую ставят перед собой авторы. Однако и этим оно не исчерпывается. Различные цели обусловили различие и в форме произведений.

Исходным, традиционным жанром для автора «Слова о полку Игореве» является тот, к которому принадлежат песни Бояна. Д. С. Лихачев не раз подчеркивал, что «Слово» очень близко к «плачам» и «славам».²⁷ Об этом говорит и факт противопоставления автором «Слова» своей песни песням Бояна, так как противопоставляя, он тем самым сопоставляет их. Чтобы сравнивать два предмета, явления и т. д., нужно, как известно, чтобы у них была общая основа. Такой общей основой для «Слова о полку Игореве» и песен Бояна является, видимо, принадлежность к одному жанру — жанру воинской лиро-эпической песни. Ни песни Бояна (слава, или хула, или плач), ни «Слово о полку Игореве» не ставили себе целью рассказать о событии, которому посвящены. Последовательно и бесстрастно описывать происходящее (в память потомкам) — дело летописцев. Боян же и автор «Слова о полку Игореве» слагают произведения, во-первых, глубоко лиричные, проникнутые авторским отношением к описываемому, а во-вторых, обращенные не к потомкам,

²⁶ О термине «былина» см.: Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.: Л., 1966, с. 21—27.

²⁷ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — В кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985, с. 20—22.

а в первую очередь к современникам. Они не рассказывают о происшедших событиях, а используют, привлекают их, создавая лирический отклик на них. Отсюда и некоторая фрагментарность в «Слове» в изображении событий, отсутствие подробного и непрерывающегося рассказа о походе Игоря. Чтобы сделать свою мысль убедительной, оба песнотворца обращаются к событиям далекого прошлого. Бояну историческая ретроспектива нужна для того, чтобы найти подтверждение славе или хуле в «дедней» славе или «деднем» бесславии, чтобы «свить славы оба полы сего времени». Автор «Слова» всматривается в историческое прошлое народа для того, чтобы найти там первопричину случившегося.

Однако новые задачи, новые цели автора «Слова о полку Игореве» по сравнению с Бояном обусловили жанровые видоизменения лиро-эпической песни. Прежде всего, «Слово» — это не однозначная по смыслу песня Бояна. Это и плач, и хула, и слава одновременно. Кроме того, следуя «старым словесам», т. е. «словам»-песням Бояна, автор «Слова о полку Игореве» испытал влияние новых «слов» — ораторской прозы. Слияние в «Слове о полку Игореве» двух этих жанров неудивительно, так как они имеют много общего. Византийские по происхождению «слова», так же, как и песни Бояна, принадлежат к разряду лиро-эпических жанров, в которых главное — не рассказ о событии, а лирический отклик на него. Оба жанра — и песни Бояна, и ораторская проза — рассчитаны на устное исполнение перед слушателями и предполагают непосредственное к ним обращение. Что касается формы, то и тот и другой жанр в своей «торжественной» форме предполагали ритмичность и наличие рифмы.

В чем же выразилось в «Слове о полку Игореве» влияние ораторской прозы? На этот вопрос подробнейшим образом попытался ответить И. П. Еремин.²⁸ Если нельзя согласиться с ним относительно полного отождествления «Слова о полку Игореве» с жанром торжественного красноречия, то совершенно верно, на мой взгляд, объяснять влиянием ораторской прозы наличие в «Слове» зачина, содержащего рассуждения автора о методе художественного творчества и о назначении поэзии, а также обращения автора к князьям, являющегося, по сути дела, произведением в произведении: это не что иное, как речь, «слово», ораторское произведение, «политическое поучение». Такой речи-призыва наверняка не было в песнях Бояна, чья задача ограничивалась пением хвалы или хулы.

Тесное взаимодействие в «Слове о полку Игореве» двух жанров — песни и «слова» было отмечено исследователями уже давно. «Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она

²⁸ Еремин И. П. 1) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия, с. 93—129; 2) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 28—34.

близка к речи», — написал Д. С. Лихачев в 1950 г.²⁹ Еще определеннее о жанровом синкретизме «Слова о полку Игореве» сказал Н. К. Гудзий: «Автор... создает одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение...».³⁰

В стремлении объединить в своем произведении особенности двух жанров автор «Слова о полку Игореве» не одинок. «Всякое гениальное художественное произведение, — писал А. А. Назаревский, — всегда, как правило, ломает жанровые рамки и каноны своего времени».³¹ Мы знаем много примеров из истории литературы, когда новый жанр рождался на стыке двух старых. Тщательное изучение процесса жанрообразования в древнерусской литературе также даст, вероятно, много подобных примеров.

Таким образом, зачин в «Слове о полку Игореве» — не только дань литературной традиции. Автор полемизирует здесь с Бояном, а в его лице с целой школой словесного искусства — со всей дружинной поэзией с ее тематической заданностью и однозначностью (либо слава, либо плач), субъективным отражением событий, бравурностью и трафаретностью выражений.

²⁹ Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве (историко-литературный очерк). — В кн.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950, с. 252 (Сер. «Лит. памятники»).

³⁰ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1953, с. 125.

³¹ Назаревский А. А. О жанровой природе «Слова о полку Игореве», с. 113—144.

